

Отцы и дети «Гаудеамуса»

Самодеятельный театр 25 лет спустя

Созданный в 1962 году студентами Львовского политехнического института театр «Гаудеамус» завоевал немалый авторитет в театральных кругах. Успешные гастролы 1979 и 1980 годов в Москве, призы и дипломы, регулярно получаемые на фестивалях и смотрах, — не главное из того, что создало театру репутацию интересного, ищущего коллектива.

На афише «Гаудеамуса» появились вампировская «Утиная охота» и «В списках не значился» Б. Васильева еще тогда, когда мало кто в стране мог похвастать постановкой этих пьес. «Гаудеамус» был одним из первых театров, что в свое время открыли для нашей сцены писателя Василия Шукшина, а во времена совсем уж недавние — драматурга Людмилу Петрушевскую. «Поставил», «открыл» — означает, разумеется (и увы!), «пробыл».

Обстоятельства сложились так, что свое двадцатипятилетие театр, нашедший пристанище в городском Дворце культуры коммунальников, встретил под псевдонимом «Пониск». Под «обстоятельствами» следует понимать волку доживших лиц, руководящих культурой в городе Львове. Кто-то из них обнаружил в прежнем названии театра некую «крамолу» — не то призыв к бытовому разложению, не то еще что похлеще... Конечно, чиновнику не обязательно знать латинский язык — но не обязательно ведь и вмешиваться в то, чего не знаешь.

Чем живет театр в год серебряного своего юбилея? Была ли утрата имени самой тяжелой из понесенных за это время утрат? Сохранил ли себя и свой уровень, свой класс «Гаудеамус», перестав называться «Гаудеамусом»? Ответить на эти вопросы и должен был творческий отчет коллектива, названный «Именинами сердца».

Пять спектаклей за четыре дня — нагрузка для актеров этого театра непривычно большая. От служебных (а многих — и от семейных) обязанностей никто их не освободит, и потому обычная для «Гаудеамуса» норма — это четыре-пять спектаклей в месяц. Для репетиций остаются выходные, отпуска и ночи. Но тут, говоря о спектаклях, увиденных в эти дни во Львове, и следует прекратить ссылки на непрофессиональное происхождение. Профессионализм — органическое свойство этого театра.

А профессионализм театра означает прежде всего профессионализм режиссера. Борис Озеров, вставший во главе «Гаудеамуса» двадцать пять лет назад, когда дружеская компания студентов поняла, что она — театр, не только профессионал, но и подвижник. Поэтому лучший способ разговора о нем — разговор о его деле.

Пять спектаклей, составивших программу «Именин», определенно могут быть разделены на две группы. Основанием для такого разделения становится участие в постановках «старой гвардии» актеров театра.

Едва ли не в полном составе она занята в гоголевских «Игроках»: квартет искусных мошенников-шулеров с почти акробатической виртуозностью сыгран С. Соколовым, Л. Либетом, Ю. Прядиным, И. Мазяром. Это завораживающая феерия трюков, аттракционов, на удивление слаженная, идущая в головокружительном и все время ускоряющемся, ужасно быстром темпе. И в кульминации разрешающаяся блистательной «репризой» колоритного комика М. Срибного — Замухрышкина.

Борис Озеров ставит своих актеров в условия невероятно сложные, требующие особой, отточенной техники: действие разворачивается в полуметре от зрителя, на одном бесконечном «крупном плане». Зрительские места расположены прямо на сцене, у задника, а тесное игровое пространство выгорожено полукругом дверей трактирных номеров на фоне черного провала неосвещенного партера.

«Мольер» М. Булгакова поставлен открыто «на актера» и интересен как раз тем, что в нем в полной мере выразился талант Леонида Либета, единственного на сегодняшний день члена труппы «Гаудеамуса», проработавшего в нем все двадцать пять лет. «Бенефисная» роль, подобная Мольеру, — и для уверенного в себе опытного профессионала не

легкое испытание на мастерство. Но работа Л. Либета позволяет говорить уже об изысканности актерского почерка, глубоко профессиональном понимании законов театра.

На старшее поколение актеров вновь сделал ставку Б. Озеров, распределяя роли в композиции «Здравствуйте!», что и определило (помимо, естественно, блестящих текстов Михаила Жванецкого) ее успех. Аскетизм постановочных средств, свойственный больше студенческому капустнику, был в этом спектакле с избытком компенсирован истинным взаимопониманием актеров, продуманностью связей между «номерами», тщательной проработкой характерных «масок».

Совсем иначе смотрятся «Диктатура совети» М. Шатрова и «Сон в руку» (пьеса В. Красногорова «Ноги женщины № 2» переименована так по категорическому требованию городского «начальства», проявившего тут завидное упорство). На обоих спектаклях лежит печать некоей поверхностности, поспешности. Может быть, причиной тому было излишнее увлечение режиссера и актеров острым, публицистичным материалом. Судя по всему, долгожданная возможность высказаться на темы, остро волнующие каждого из нас, захватила «Гаудеамус» настолько, что вопросы художественной состоятельности, глубины освоения мира отошли на второй план. В этих постановках проявились мало свойственные «Гаудеамусу» качества «любительского» дилетантизма, приверженности к «ловбым» трюкам.

И немаловажной причиной неудачи кажется то, что с актерской своей задачей не вполне справилась молодежь театра. А ведь режиссеру было на кого рассчитывать. Мы запомнили в «Мольере» А. Штанько — Регистра и оборотистельную в своей естественности Арманду — М. Алтухову. Мы видели великолепные работы П. Микитюка — в «Игроках» и в том же «Мольере». Дело не в степени ода-

ренности, а, видимо, в чем-то ином, без чего студенческий театр немислим, неинтересен, да и ненужен.

Баланс в труппе «Гаудеамуса» на сегодняшний день явно нарушен. Люди, создавшие театр четверть века назад, те, кто отдал ему десять, пятнадцать, двадцать лет своей жизни, сегодня составляют главный его капитал. Кто-то из них чуть старше, кто-то моложе, но все они — из одного поколения. Поколения, сформировавшегося под влиянием общественного и культурного подъема начала 60-х годов. Благодаря приобретенному тогда гражданскому и творческому потенциалу (обогащенному, конечно, за многие годы работы на сцене подлинным мастерством) они и за их счет вся труппа по сию пору удерживают художественный уровень театра на достаточной высоте.

Поколение «новобранцев», пришедших в театр за последние год-три-пять, в сравнении с «ветеранами» сильно проигрывает. И дело опять-таки не в том, что ему трудно пока тягаться со старожилами в актерской технике. Гораздо более тревожны явственно ощущаемые вялость, пассивность, невыразительность темперамента. Ощутимые, к несчастью, и на сцене — никаким гримом, костюмом их не скрыть.

«Старики» жалуются, что к издержкам театрального любительства, к затратам времени и сил, к «черной» работе молодежь привыкает неохотно, норовит облегчить свою жизнь. «Так, приходят юразвелься. Ну и друзей на спектакль пригласить, себя показать приятно...»

Скажете — обычный конфликт отцов и детей, «бойцы вспоминают минувшие дни»? Не без этого. «Старая гвардия» любит не просто театр, а «Гаудеамус» — свой «Гаудеамус», которому отданы силы и годы и который обя-

зан им многим — так же, как и они ему. Сознание своего «привилегированного положения», слегка, может быть, высокомерное «вы бы сперва помучались с наше» звучит на заднем плане «отцовских» укоризн. Но, увы, правда старшего поколения «Гаудеамуса» — поколения энтузиастов и первопроходцев — подтверждается главным — спектаклями. Имея творческий дар, молодые оказываются не очень готовы к труду творчества. К тому подвижничеству, на котором театр и держался все эти годы.

Не отражает ли ситуация в «Гаудеамусе» ситуации, общей для всего нашего театра, — да и не только театра? Не приходится ли нам говорить об узнаваемых чертах поколения?

Так становится ясно, насколько ответственный момент переживает сейчас «Гаудеамус». Двадцать пять лет активной и безусловно успешной деятельности, оказывается, не гарантировали ему безоблачного будущего. От того, кто придет в этот театр в ближайшие несколько месяцев, и того, совершится ли с молодыми актерами желанная для «стариков» метаморфоза, зависит жизнь и смерть львовского коллектива.

«Именины сердца» «Гаудеамуса» закончились вечером встречи актеров и зрителей. Было празднично, шумно и печально — как всегда в таких случаях. Но, зная о том, какими проблемами живет ныне театр, с особым волнением, сознанием всей ответственности происходящего я смотрел, как подошли в антракте к Борису Озерову две девочки лет по шестнадцати. Они просили принять их в труппу. «Хорошо, приходите, — ответил Борис. — Начинаем «Ромео и Джульетту». И для вас что-нибудь найдется». Подумалось, а вдруг одна из них — та самая Она? Вдруг это в ее руках будущее «Гаудеамуса»? Кто знает...

С. ПАРХОМЕНКО.

Львов.